

ЕЩЕ РАЗ О ФЕНОМЕНЕ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

ONCE ON THE PHENOMENON SOVIET HISTORIOGRAPHY

G. Ippolitov

Doctor of Historical Sciences, Samara Institute (branch) RGTEU

International scientific-practical conference "Development of national historical science in the XXI century", Moscow, December 21, 2012.

lppolitov@mail.ru

Ипполитов Георгий Михайлович
Доктор исторических наук, профессор,
Самарский институт (филиал) РГТЭУ

Материалы международной научно-практической конференции "Развитие отечественной исторической науки в XXI веке", г. Москва, 21 декабря 2012 года.

В конце 1980 – начале 1990 гг. существовал взгляд во многом имевший идеологизированную политическую цель ликвидации социалистического государства), согласно которому семьдесят лет существования советской власти рассматривались как процесс упадка российской государственности, колоссальный минус в русской истории. Это распространялось и на историографию, то есть на историю исторической науки советского периода.

Ученые стали уделять внимание феномену советской историографии. Одной из первых попыток его осмысления предпринял Ю.Н.Афанасьев. Он выделил четыре основных подхода, в рамках которых строится осмысление существования исторической науки в СССР.

Первый подход, представители которого, – И.И. Минц, М.В.Нечкина, А.И.Данилов, Ю.С. Кукушкин и др.[8] рассматривали развитие науки в СССР по восходящей, то есть общая линия движения виделась направленной линейно прогрессивно вперед, как и собственно развитие общества. Тесная взаимосвязь в рассмотрении общественных и научных процессов приводила к фиксации практически зеркального отражения зигзагов и единичных недостатков в развитии партийно–государственной системы по отношению к внутринаучным процессам. Каждый этап развития науки виделся, несмотря на отдельные недостатки, более прогрессивным, по качественным и количественным показателям на порядок более высоким, чем предыдущий.

Общая оценка периода выглядит как апологетически-восторженная, от победы – к победе, от высоты – к высоте, от достижения – к достижению. Безусловно, во многом данная линия являлась историографическим отражением

общих тенденций партийно–государственной идеологии последних двух доперестроечных десятилетий.

Второй подход (Е.И. Голубева, А.И. Зевелев, Е.В. Чистякова и др.). Для него являлся характерным дифференцированный взгляд к оценке истории исторической науки в советский период. Такой подход был более направлен на науку, факторы ее внутреннего развития. Историческая наука рассматривалась как сложное, многоуровневое явление, отдельные этажи которого находились на различных уровнях развития и, соответственно, каждый уровень требовал собственного анализа. Основной критерий оценки – насколько то или иное направление или проблематика оставались недеформированными, научными, а где происходила имитация научной деятельности, подмена цитатничеством или схематизмом.

Третий подход (А.А. Искендеров, Р.Быков и др.), обозначившийся, прежде всего, в среде профессиональных журналистов и общественных деятелей, отличался тем, что здесь весьма определенно прозвучала мысль о несоответствии советской историографии критериям научности, о значительном преобладании в деятельности историков фальсификаторских начал и в полемическом запале, ставилась проблема, была ли история при советском политическом режиме наукой?

Четвертый подход представлен самим Ю.Н. Афанасьевым. Он оценил всю советскую историографию как "особый научно–политический феномен, гармонично вписанный в систему тоталитарного государства и приспособленный к обслуживанию его идейно–политических потребностей"[1]

Причем, схема Ю.Н. Афанасьева проста. Большевики, придя к власти как правящее меньшинство в России, со–

здают модернизированную религию, на воплощение установок которой бросили всю мощь партийно-государственного аппарата. Историческая наука стала при этом рассматриваться как элемент государственной политики, и ей обеспечивалась государственная поддержка лишь в той степени и в тех границах, в которых она была способна выполнять соответствующие инструменталистские функции. Историческая наука советского периода в описании историка и представляется, прежде всего, как организм идеологически кровно связанный с партийной системой и выполняющий ее потребности, в котором очень мало научных элементов, а если они и присутствуют, то только вопреки, а не благодаря системе.

Так или иначе, но в интерпретации Ю.Н.Афанасьева представленные направления выглядят противостоящими друг другу, хотя в каждом из них выражен различный ракурс:

- ◆ *в первом* – отслеживается отражение политических процессов в историко-научной сфере;
- ◆ *во втором* – внимание уделяется внутренним факторам науки;
- ◆ *в третьем* – упор делается на ценностные начала отечественной науки;
- ◆ *в четвертом* – влияние идеологического фактора на историко-научное сообщество [2].

Примерно такую же позицию высказала Н.В. Иллерицкая, поддержав данную Ю.Н.Афанасьевым оценку. Она пришла к выводу, что "партийное руководство наукой сыграло свою пагубную роль – советская историческая наука перестала быть наукой, так и не предприняв серьезных попыток стать ею" [4].

Но подобные жесткие излишне категоричные аксиологические суждения постепенно становятся достоянием прошлого истории исторической науки. Наступает время верификационных, академически взвешенных оценок. Не случайно, в последние годы в научном сообществе все более утверждается точка зрения, согласно которой использование формулы "феномен советской историографии" сочетается с признанием ее достижений. [3]

Небезынтересно и то, что в начале XXI века появился другой срез рассмотрения феномена советской историографии. Некоторые ученые анализируют его под углом зрения взаимоотношения и взаимодействия домарксистской и марксистской школ отечественной историографии.[10]

В то же время, продолжают выходить в свет публикации, в которых особое внимание акцентируется на том, что речь идет о "социальном историко-графическом проекте", характерными чертами которого выступает классовый

подход в качестве заданной ценности. Он нацелен на "борьбу с буржуазной историографией" [6].

Имеет место и своего рода компромиссная позиция. Ученые, ее придерживающиеся, полагают то, что советская историография сформировалась как сочетание "факторов внешнего и внутреннего влияния" и поэтому отличалась "активным участием историков в политической жизни страны и постоянством борьбы с позитивизмом" [7].

Думается, что такая разнообразная палитра мнений дает основания утверждать: сегодня феномен советской историографии требует дальнейшего углубленного осмысления.

Заметим в данной связи следующее: сегодня как в свете общеполитических, так и внутринаучных изменений, уже многое видится иначе, чем даже в середине 1990-х гг. Становится ясной неисторичность подхода, при котором вычеркиваются целые страницы в истории России. Или еще парадоксальнее: начинает действовать принцип, обозначенный М.Н. Покровским, суть которого сводится к тому, что история – политика, обращенная в прошлое во всех смысловых ракурсах и, прежде всего, в отношении историко-научного сообщества [5].

Сегодня все более устойчивый характер принимает тенденция осторожного подхода к изучению истории советской исторической науки, исключаящего как огульный нигилизм, так и слепую апологетику.

Одним из таких верифицированных суждений может выступать следующее: вряд ли можно ставить под сомнение фактор активного государственного вмешательства в советскую историческую науку. Однако, как представляется, в попытке нахождения общих смысловых основ феномена советской историографии исследователи упускали из виду тот факт, что существование Советского государства в XX в. прошло, в свою очередь, несколько больших этапов. И в рамках данных этапов научная политика в области общественных наук, в том числе и исторического образования, академических институтов приобрела своеобразные черты, иногда кардинально отличавшиеся друг от друга.

Нынешние тенденции историографии с ярко обозначившимся стремлением к междисциплинарности, то есть работе на стыке таких наук, как философия истории, культурология, психология науки, с одной стороны, и усилившимся интересом в среде историографов как к процессу научного творчества, так и самому историко-научному сообществу, предполагает более глубокое и разностороннее рассмотрение черт советской историографии.

Необходимо подчеркнуть то, что существование исторической науки в советский период, безусловно, носило

свои характерные черты. При этом, как представляется, прежде всего, следует выделить те особенности, которые, пусть в трансформированном виде, сохранились в исторической науке советского периода от предыдущей историографической традиции, и затем, соответственно, абсолютно оригинальные, сложившиеся под воздействием специфических условий существования в Советском государстве. К таким характерным чертам, судя по анализу литературы [11], можно отнести следующие:

1. Пусть и своеобразное, но продолжение участия советских историков в политической жизни страны, что явилось выражением усложнения общественно-политической структуры и появления надпрофессиональных элементов деятельности, конкурирующих с собственно профессиональными. После Гражданской войны от историков, при этом требовалась постоянная демонстрация лояльности, горячей приверженности идеям марксизма, советскому строю ради дальнейшего отстаивания научных взглядов. Несогласие или отклонение от марксизма и его постулатов влекло за собой подозрение в политической благонадежности относительно существующей государственной системы. Тем самым в советский период в отечественной исторической науке надпрофессиональные черты деятельности (идеологические или политические) стали зачастую определять содержание и смысл существования профессиональных.

2. Государственный контроль и планирование деятельности историко-научного сообщества. Бесспорно, что огромное значение приобрело указанное влияние идеологических установок на внутренний мир науки. Влияние идеологии распространялось по многим направлениям. Изменения коснулись практически всех сторон жизни историко-научного сообщества. Наиболее глубокими и широкомасштабными, как представляется, эти изменения наблюдались в организационных формах науки, практике историописания (точке зрения на исторический процесс, проблематике и подборе персонажей историко-научных исследований, языке историописания), а также в процессе воспроизводства исторических знаний. В организационных формах науки наиболее важным изменением стало появление нескольких направлений исторической науки. Четко обозначились два основных направления: история коммунистической партии; история СССР.

3. Доминанта историко-партийного направления по сравнению с конкретно-историческим. Историко-партийное направление начало создаваться с первых дней существования советской системы и просуществовало до ее конца. Оно приобрело явно выраженную функцию поддержания и научного обоснования партийно-идеологических доктрин, с одной стороны, а с другой – буфера между партийно-государственными органами и собственно историко-научным сообществом. Стиль, традиции взаимоотношений между государством и историко-

партийным направлением вольно или невольно переносились и на взаимоотношения со всем историко-научным сообществом.

Историко-партийная наука целиком отразила тот изначально прагматический, инструменталистский характер, который был заложен в нее создателями советской государственной системы. Данный прагматический характер заключался в создании марксистского видения истории России, подкрепляющего или, по крайней мере, не расходящегося с идеологическими постулатами.

Своеобразным отражением подобной инструменталистской функции исторической науки стало неравноценное существование историко-партийного и конкретно-исторического направлений советской исторической науки. Подчеркнем, что историко-партийное направление уже изначально поддерживалось и выделялось государством как наиболее приоритетное и важное по сравнению с конкретно-историческим. Это предопределило то, что взаимоотношения между данными направлениями являлись весьма неоднозначными. Уже изначально от первых дней существования основных историко-партийных институтов, выступлений основателя советской исторической науки М.Н. Покровского, историко-партийное направление носило агрессивный характер по отношению к конкретно-историческому, заявляя о своей первичности и приоритетности.

4. Директивность как основной способ взаимоотношений между государственными органами и исторической наукой. Она стала заключаться в том, что государственные органы путем многочисленных декретов, постановлений первоначально трансформировали то, что осталось от старых обломков организационной структуры дореволюционной исторической науки, сформировали многие новые элементы историко-научного сообщества, а затем осуществили надзирающий контроль.

При этом, безусловно, новой чертой взаимоотношений власти и историков в советский период стала опека партийно-государственных структур и лидеров правившей в стране компартии над историками, положение, при котором непрофессионалы, дилетанты считали не только возможным, но и необходимым вмешиваться в деятельность профессионалов-историков. Спектр директивных действий являлся довольно разнообразным и широким:

- ◆ декреты, постановления о создании исторических институтов, о кадровой политике, о качестве публикаций в исторических журналах, по поводу школьных учебников и т.д.[9],

- ◆ иногда партийные лидеры вовлекали свои суждения в более тонкие формы и оболочки заметок, замечаний, суждений, что не предполагало, в свою очередь,

возможность историкам–профессионалам не прислушаться к ним [12].

5. Появление нового угла зрения на исторический процесс в практике историописания, благодаря воздействию идеологических установок. Теперь в историческом прошлом наиболее ценными и привлекательными виделись преимущественно те сюжеты, которые были связаны с подтверждением основных положений марксизма, а именно: делался акцент не на рассмотрение эволюции государственных форм в истории страны, что было характерно для дореволюционной русской исторической науки, а на поиск изменений производственных отношений с соответствующими им социально–экономическими формами.

Этому сопутствовало рассмотрение исторического процесса как неуклонной единой линии освобождения от всех форм социального гнета, выделение революционных эпизодов в прошлом, накладывавшее значительные элементы телеологизма – неуклонного поступательного движения общества на пути к коммунистическому идеалу. Причем именно в советской историографии (в отличие от дореволюционной) наиболее распространенным стало обращение к ближайшим событиям, что стало следствием хронологического сжатия и усечения горизонта отечественной истории, рассматриваемого теперь сквозь призму классовой борьбы и революционного процесса.

6. Заданность и узость методологических поисков. Марксизм был признан в качестве единственно верной методологии. Дальнейшие поиски методологического плана советская власть пресекла, причем, директивным путем. Единственной методологической тенденцией, которая закладывалась на все время существования исторической науки в советский период, стала постоянная проверка на истинность, самоидентификация марксизма историков, что, в конечном счете, означало корректировку в связи с переменами в идеологии, то есть на первый план вставала проблема соответствия научных и идеологических установок.

7. Изменение и самого языка науки. В нем появились слова и выражения, несвойственные дореволюционной научной традиции, привнесенные временем и идеологическими штампами: борьба, революция, классы, партия, большевики и т.д. Появился особый пафос, которого не было до революции: постоянно присущее в трудах исто-

риков напряжение борьбы, противостояния, ощущение изначальной правоты дела рабочего класса и крестьянства, поражения в краткосрочной перспективе с залогом торжества идеалов классовой борьбы в будущем.

8. Появление новых героев и новых образов в исторических работах. Причем осуществлялся весьма любопытный процесс концентрации положительных черт у героев революционных восстаний, партийных деятелей и участников народных бунтов и обмельчание темпераментов у творцов спокойной мирной жизни или представителей господствовавших классов.

9. Изменения во внутренней структуре текста историко–научных работ. Влияние идеологии приводило к тому, что историки даже в произведениях, далеких от советской действительности, должны были использовать в качестве обязательного элемента исторических произведений цитаты из произведений и выступлений вождей, партийных лидеров, постановлений съездов. Постольку, поскольку государство накладывало на историков обязательство корректировки своих научных позиций с генеральной линией партии, в советской историографии наблюдалась тенденция постоянной борьбы между открытым цитатничеством и схематизмом и сугубо научным знанием, подкрепленным тщательным и добросовестным обращением к источникам, делающим только политесные реверансы в сторону идеологических доктрин и партийно–государственного строительства.

10. Образование глубоких линий разрыва в источниковедческой практике. Если дореволюционная историография отличалась тщательным и глубоким отношением к историческому источнику и хорошие источниковедческие знания являлись во многом критерием историко–научного профессионализма, то после революции изначально побеждает тенденция оттеснения источников и подчинения их обществоведческим схемам и установкам.

Вышеизложенные характерные черты советской историографии влияют на процесс определения этапов существования исторической науки в советский период, главным образом потому, что сила внешнего влияния была на порядок сильнее, чем тенденции внутри самого научного сообщества. Нельзя сбрасывать со счетов и того, что значительными являлись и тенденции внутреннего развития. Не принимать их вовсе – значит исказить картину развития отечественной историографии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии // Советская историография. М., 1996. С. 37.
2. Более подробно см.: Афанасьев Ю. Феномен советской историографии // ОИ. – 1996. – № 5. – С. 146–168.
3. Бычков С.П., Свешников А.В. Проблема феномена советской историографии // Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск, 2005. Безызыскательно и то, что историческая наука России XX века рассматривается многими исследователями как поступательный процесс, в котором сохранялись

- традиции предшествующих периодов. В этом отношении весьма характерна позиция петербургских историков В.С. Брачева и А.Ю. Дворниченко, которые в своей книге, посвященной деятельности кафедры русской истории Санкт-Петербургского университета, отметили взаимосвязь между советской и досоветской историографией. Подчеркнув, что, "пройдя сквозь переходное время 1920-х гг., русская историческая наука выльется в форму "феномена советской историографии" со всеми присущими этому явлению чертами", они подкрепили свои рассуждения о специфике советского периода мыслью о том, "что тысячами зримых и незримых нитей историография этого времени была связана с предшествующей, "дореволюционной" (Брачев В.С., Дворниченко А.Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета. 1834 – 2004. СПб., 2004. С. 5.)
4. Иллерицкая Н.В. Становление советской историографической традиции: наука, не обретшая лица // Советская историография. М., 1996. С. 187.
 5. О такой концепции М.Н. Покровского более подробно см.: Чернобаев А. А. "Профессор с пикой", или три жизни историка М. Н. Покровского – М., 1992.
 6. Образы истории / Под ред. А.П. Логунова. М., 2001. С.29.
 7. Очерки истории отечественной исторической науки XX века / Под ред. В.П. Корзун. Омск, 2005.С.29.
 8. См., напр.: Историография истории СССР: Эпоха социализма / Под ред. И.И.Минца. М., 1982; Очерки истории исторической науки в СССР / Под ред. М.В.Нечкиной и др. Т.5. М., 1985; Данилов А.И. История и общество/ А.И. Данилов, В.В. Иванов, М.П. Ким, Ю.С. Кукушкин // ВИ. 1977. №1 и др.
 9. См., напр.: О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском "Краткого курса истории ВКП (б)": постановление ЦК ВКП (б) от 14 нояб. 1938 г. // Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП (б). – М., 1947. – С. 368–370.
 10. См.: Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа 1920 – 1930-е гг. СПб., 2004.
 11. См.: Сидоров А.Л. Некоторые размышления о труде и опыте историка // История СССР. 1964. № 3. С. 118–138; Иванова Л.В. У истоков советской исторической науки: Подготовка кадров историков–марксистов в 1917 – 1929 гг. М., 1968; Она же. Формирование советской научной интеллигенции: 1917 – 1927. М., 1980; Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 4. М., 1966; Чагин Б. А., Клушин В. И. Борьба за исторический материализм в СССР. Л.: Наука, 1975; История и сталинизм: сб. ст. / сост. и авт. предисл., Н. Мерцалов. – М., 1991; Куманев В. А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991; Балашов В.А. Указ. соч.; Афанасьев Ю. Феномен советской историографии. // Советская историография. С.7–42. М., 1996; Алексеева Г.Д. Историческая наука в России после победы Октябрьской революции // Россия в XX веке. Судьбы ист. науки. – М., 1996; Сахаров А. Н. Дискуссия в советской историографии: убитая душа науки // Сов. историогр. – М., 1996. С. 78–161; Иллерицкая Н. В. Становление советской историографической традиции: наука, не обретшая лица // Там же. С. 162–191; Искендеров А. Историческая наука на пороге XXI века // ВИ. – 1996. – № 4. – С. 3–31; Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке: сов. историогр. первого послесталинского десятилетия – М., 1997; Она же. Советская историческая наука середины XX века: Синтез трех поколений историков. М., 2008; Она же. Школы в исторической науке России // ОИ. 1999. № 6. С. 200–203; Историческая наука России в XX в.: [сб. ст.] / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории; редкол.: Г. Д. Алексеев (отв. ред.) и др.; [предисл. Г. Д. Алексеевой]. – М., 1997; Литвин А. Без права на мысль. Историк в эпоху Большого Террора: Очерки судеб. Казань, 1994; Поляков Ю.А. Корифеи отечественной исторической науки: Воспоминания. М., 1997; Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II Научных чтений памяти акад. И.Д. Ковальченко. М., 1999; Согрин В.В. Осмысливая советский опыт: о нов. тр. по истории XX в. // ОНС. – 1999. – № 3. – С. 114–122; Пыжиков А. В. Осознание сталинизма в годы "оттепели" // Вестн. РАН. – 2003. – № 6. – С. 542–547; Ипполитов Г.М. Некоторые актуальные проблемы изучения военной истории в постсоветский период; – С. 3–20; Гречухин П. Б. Выход "Краткого курса истории ВКП (б)" и предвоенное советское общество [Электрон. ресурс] / П. Б. Гречухин, В.Н.Данилов. – Режим доступа: <http://old.sgu.ru>. – Загл. с экрана; Шикло А. Е. Указ. соч.; Шеуджен Э.А. Лекция по общим вопросам историографии [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.history.perm.ru>. – Загл. с экрана; Маслов Н.Н. Советское искусство под гнетом "метода" социалистического реализма: полит. и идеолог. аспекты (30–40-е гг.) // Отеч. история. – 1994. – № 6. – С. 160–174; Быкова А.Г. Методологические вопросы изучения историографии: историогр. факт, историогр. источник, пробл. периодизации ист. науки, эволюции и революции в науке [Электронный ресурс] / А.Г. Быкова В.Г. Рыженко. – Режим доступа: <http://www.history.perm.ru>. – Загл. с экрана; Они же. Современные представления о предмете историографии отечественной истории, ее задачах. [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <http://www.history.perm.ru/modules/smartsection/item.php?itemid=34> – Загл. с экрана; Итоги и перспективы подготовки в России документальных публикаций (1992 – 2010 гг.): докл. руководителя Федерального арх. агентства чл.-кор. РАН В.П. Козлова на Бюро отд-ния ист.-филол. наук РАН 25 янв. 2006 г. [Электронный ресурс]: – Режим доступа: http://www.rusarchives.ru/news/doc_publ.shtml. – Загл. с экрана; Наумов И.В. Вопросы исторической науки в отечественной историографии. МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2004. – 18 с. – Деп. в ИНИОН РАН 15.07.2004, № 58781; Артизов А.Н. Школа М.Н. Покровского и советская историческая наука конец 1920-х – 1930-е гг.: автореф. дис. ... докт. ист. наук – М., 1998; Бочаров А.В. Проблема альтернативности исторического развития: историогр. и методол. аспекты: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2002 и др.
 12. См.: Сталин И. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР / И. Сталин, С. Киров, А. Жданов // К изучению истории ВКП (б): сб. материалов. – Куйбышев, 1938. – С.18–19.